

«Я пишу, чтоб добраться до сути»

Трещ. - 1892. - 80к5.
Неисчерпаемая поэзия, гибельная судьба Марины Цветаевой

В мае 1913 года в Крыму, в Коктебеле, Марина Цветаева создала ныне широко известное стихотворение без названия:

Моим стихам, написанным так
рано,
Что и не знала я, что я —
поэт,
Сорвавшимся, как брызги из
фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как
маленькие черти,
В святилище, где сон и
фимиама,
Моим стихам о юности и
смерти
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по
магазинам,
(Где их никто не брал и не
берет!),
Моим стихам, как
драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Марине Цветаевой шел в эту пору двадцать первый год. Она была уже автором книг «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). В том же 1913 году выходит ее сборник «Из двух книг». Имя ее становится известным в узких литературных кругах, ее одобряют маститые Максимilian Волошин и Валерий Брюсов.

Должно будет пройти много времени, чтобы наконец исполнилось предсказание и ее стихам, «как драгоценным винам», настал свой черед. Утечет много воды. Не только воды, но и крови, потому что жизнь Марины Цветаевой и ее творчество пришлось на десятки—тридцатые годы нашего катастрофического века, эпохи войн и революций, репрессивного подавления личной свободы.

Если бы существовал инструмент, способный, подобно сейсмографу, передать подземные толчки в почве поэзии, то по стихам Марины Цветаевой мы и наши потомки сумели бы особенно глубоко почувствовать, сколь велики их растревоженность и беспокойство, сколь впечатлительны этот поэт к малейшим проявлениям душевной жизни современников.

Родившись и выросши в семье потомственных русских интеллигентов, Марина Ивановна Цветаева прожила жизнь, исполненную лишений, напряженного творчества, скитаний, высоких свершений, радости и неизбывной боли.

Боль! Не от того, что кто-то наступил на мозоль или неосторожно толкнул. Боль—как «недуг бытия», по выражению Баратынского. Боль—как реальное ощущение жизни окружающих людей. Марина Цветаева не жалелась и не просит. У нее традиционные для русской поэзии понятия о чести и достоинстве. Она не заговаривает боль. Она ее обнажает и доискивается до первоисточников. Это делает ее поэзию столь же трагичной, как и ее жизнь. Собственно они едины — ее жизнь и ее поэзия. Вот почему, читая стихи, поэмы, прозу, переписку Марины Цветаевой, мы читаем ее жизнь.

Привычно говорить о мужестве Марины Цветаевой. Но надо добавить, что оно рождено отчаянием. Вот формула ее: «одна — из всех — за всех — противу всех». Противоречие — «за всех» и «противу всех». Но в этом противоречии смысл цветаевской жизни — поэзии. Это противоречие приводит нередко к взрыву и катастрофе. И Марина Цветаева показала, как это происходит.

Она не нашла успокоения, уехав в 1922 году за границу. Она не нашла успокоения, вернувшись в Россию в 1939 году.

Всяк дом мне чужд,
Всяк храм мне пуст...

Поиск выхода из безвыходности идет у Марины Цветаевой заодно с поиском сути. Она не довольствовалась колдовским звучанием слова, которым владела мастерски. «Я пишу, чтоб добраться до сути...».

Очаровывая и ослепляя переливами словесной ткани, околдовывая музыкой стиха, способной передать лепет дитяти и мощь урагана, Марина Цветаева зовет читателя к проникновению в основы ее бытия и ее поэзии.

Невозвратно, неостановимо,
Невозвратно, неостановимо хлещет стих.

Да, стих хлещет. Он не убаюкивает. Он беспокоит и тревожит. У Марины Цветаевой — торжество действия, глагола. Считается, что у нее даже существительные и прилагательные заряжены энергией глагола.

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном.
Беды и блажи на сердце...
Ты, в погудке дождей и бед —

То ж, что Гомер в гекзаметре.

Дай мне руку — на весь
тот свет!
Здесь — мои обе заняты.

На восемь строк самая малость прямых глаголов, а вместе с тем текст движется, течет, не стоит на месте. Стих близок интонации живой разговорной речи, он лишен скованности и искусственности. Впечатление такое, словно он идет на одном дыхании. Здесь восьмистишие, миниатюра, а у Марины Цветаевой сплошь и рядом куда большие по размеру стихи на одном дыхании стремительно движутся, идут, нет, летят в виде оперенной и подрагивающей от напряжения стрелы. Таковы не только стихи и поэмы. Таковы проза и драмы Марины Цветаевой. На них мета ее яркой индивидуальности.

Написанное Мариной Ивановной Цветаевой состоит из множества лирических стихов, собранных в книги, вышедшие в России и за границей, семнадцати поэм («Переулокчи», «Поэма горы», «Поэма конца», «Поэма лестницы», «Сибирь», «Автобус» и другие), восьми драм в стихах, прозы, переводов, переписки. Широко известна изданная большими тиражами книга «Мой Пушкин».

Дело не в количестве написанного. Дело в силе написанного. Осторожно обходящий слова «талант» и «гений». Борис Пастернак выражал эти понятия словом «сила». Марина Цветаева — сила. Это ощущаешь на каждой ее странице. Сила замысла, сила выражения.

Не с первого захода, не вдруг дается постижение Марины Цветаевой. Не должно искать в ее произведениях легкого и приятного, «как летом сладкий лимонад», досуга. Сочинения Марины Цветаевой захватывают, если читатель не скользит по стро-

кам, а вдумывается в них, проникает в них.

«С виду гладь, а под гладью — глубь». Это тоже надо иметь в виду, входя в поэтический мир Марины Цветаевой. Для широкого читателя долгие десятилетия Марина Цветаева была неведома. Имя ее в России приказано было забыть. Оно не упоминалось, сочинения запрещались. Не забыли. Не издавали, а переписывали и заучивали наизусть. Слово Марины Цветаевой стало душевной необходимостью, как слово Блока и Анненского, Гумилева и Ахматовой, Есенина и Клюева, Пастернака и Волошина, Андрея Белого и Мандельштама, Асеева и Заболоцкого...

Время — великий «браковщик» — знает свою работу. Вчера гремевшие поэты, барды со звонкими именами и роскошными репутациями поодиночке и группами уходили в небытие, проваливались в таратары. Вместе с тем в то же самое время насильственно отдаленные от читателя, замалчиваемые, опальные, проклятые властью и ее слугами поэты выходили на первый план и, естественно, по праву овладевали вниманием читателей.

«Время! Я тебя миную» — надо вдуматься в эти слова Марины Цветаевой. Миновала ли? Поэт — да, миновал время. И — победил. Человек делал отчаянные попытки миновать время. Но линии судьбы и творчества разошлись, наступила непохожимость. Тупик. Чувство конца. На то было множество причин, перечень которых занял бы много времени.

31 августа 1941 года, на излете лета, Марина Ивановна Цветаева, оказавшись в крайне бедственном положении, наложилась на себя руки. Ей было сорок лет. Она пополнила матрицу русских поэтов, и без того огромный.

Намеревалась миновать время. Не миновала, но из времени выпала в вечность, в бессмертие. Через два года после гибели Марины Цветаевой напишет Борис Пастернак (1943):

В молчанье твоего ухода
Упрек невысказанный есть.
Один поэт услышал упрек другого из мест, откуда «обыкновенному слуху» ничего не удается услышать.

Лицом повернутая к Богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Еще на ней не подвели.

Итог не подведен. Его и не будет. Цветаева неисчерпаема. Новые поколения будут разгадывать ее тайны. Не разгадают и попытаются завешать неразгаданное новым поколениям.

Сегодня Марине Ивановне Цветаевой сто лет. Этот — 1992 — год признан Цветаевским годом и отмечается повсеместно. Эта ясноглазая горемычная женщина ничего не делала для своей всемирной славы. Кроме одного. Она создала произведения, украсившие русскую литературу и ставшие нашими постоянными спутниками и собеседниками.

Лев ОЗЕРОВ.